

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Военно-инженерный институт
Цикл лингвистического и информационного обеспечения
45.05.01 «Перевод и переводоведение»

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиПЛ
_____ А.В. Колмогорова

«_____» _____ 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**СТРАТЕГИИ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ
МНЕНИЕМ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА
ФРАНЦУЗСКИЙ ИНТЕРВЬЮ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)**

Выпускник

А.Р. Аспатурян

Научный руководитель

док. филол. наук,
проф. А.В. Колмогорова

Нормоконтролер

В.В. Ефимова

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПЕРЕВОД В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	6
1.1 Прагматический аспект деятельности переводчика	6
1.2.1 Изучение речевого воздействия в современной лингвистике.....	12
1.2.2 Способы речевого воздействия	18
1.2 Манипуляция как разновидность речевого воздействия.....	20
1.3 Стратегии манипуляции и перевод.....	23
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	30
ГЛАВА 2. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ.....	31
2.1 Классификация стратегий манипулятивного перевода	31
2.2 Стратегия смещения центра внимания	32
2.3 Стратегия смещения оценки	44
2.4 Стратегия смещения по временной оси.....	50
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	58

ВВЕДЕНИЕ

С развитием средств массовой информации и методов ведения информационной войны способы влияния на реципиента за счет различных способов манипуляции общественным мнением представляют особый интерес как в научной, так и в бытовой сферах жизни. Несмотря на обширный список предлагаемых различными исследователями коммуникативных стратегий манипуляции с точки зрения науки о межкультурной коммуникации, современной теории перевода все еще предстоит выявить стратегии манипуляции, применяемые в ходе переводческой деятельности, так как специфика обработки иноязычного текста и дальнейшего трансфера его смыслового содержания текста из одного языка в другой является сложным, многогранным процессом, требующим рассмотрения манипулятивных стратегий в переводе с точки зрения молодой и развивающейся науки о речевом воздействии.

Актуальность данной работы обуславливается недостатком теоретических и практических работ, описывающих стратегии манипуляции общественным мнением при переводе с русского на французский язык.

Объектом данной работы является процесс манипуляции общественным мнением при переводе с русского на французский интервью российских политиков.

Предметом работы являются переводческие стратегии и приемы, направленные на реализацию манипуляции общественным мнением при переводе с русского на французский интервью российских политиков.

Материалом исследования послужили 108 контекста, демонстрирующих применение манипулятивных переводческих стратегий в опубликованных во французской прессе интервью российских политиков, в сопоставлении с их оригинальным русскоязычным вариантом. Общий объем проанализированного материала составил 5 статей общим объемом 100

страниц формата А4, напечатанных 14 шрифтом и опубликованных на таких франкоязычных ресурсах как lefigaro.fr, liberation.fr, fr.euronews.com и др.

Цель данной работы – выявить и описать стратегии и приемы манипуляции общественным мнением при переводе с русского на французский интервью российских политиков.

Поставленная цель определила следующие **задачи**:

1) проанализировать научную литературу и сформировать теоретико-методологическую базу исследования;

2) обобщить понимание речевого воздействия в научной литературе;

3) рассмотреть предлагаемые в современной лингвистике определения манипуляции как вида речевого воздействия;

4) из русскоязычных текстов и их переводов на французский язык сформировать корпус практического материала исследования;

5) проанализировать авторский исследовательский корпус и выявить стратегии манипуляции общественным мнением при переводе с русского на французский интервью российских политиков, а также способы их реализации в переводе.

б) определить частотность каждой из стратегий манипуляции и способов их реализации в переводе.

Теоретической базой работы послужили труды таких исследователей, как: в области теории речевого воздействия – И.А. Стернин, О.С. Иссерс; в сфере изучения манипуляции – Г.А. Копнина, А.В. Колмогорова, Ю.А. Горностаева, П.В. Рыбин, О.Н. Мищук; в проблемном поле изучения стратегий манипуляции при переводе – Н.В. Климович.

Методы исследования: метод текстуального анализа, метод контекстуального анализа, метод сопоставительного анализа, метод коммуникативного анализа.

Теоретическая значимость работы состоит во вкладе результатов исследования в разработку проблематики манипуляции общественным мнением при переводе политических текстов.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты данного исследования могут быть использованы в преподавании курса прагмалингвистики, практического курса перевода с французского языка на русский.

Дипломная работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ПЕРЕВОД В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

1.1 Прагматический аспект деятельности переводчика

В широком смысле термин «перевод» может отождествлять собой любую интерпретацию текста на исходном языке с последующим воссозданием эквивалентного текста на другом языке. Перевод представляет собой процесс трансформации содержания речевого фрагмента (предложения, абзаца, текста) с одного языка на другой. Главное требование к переводу — это адекватность, то есть точная передача формы и содержания подлинника равноценными средствами [Колесникова, 2015]. Подобная операция, проводимая переводчиком, подразумевает собой множество аспектов, которые необходимо учесть в ходе проведения переводческих трансформаций. Перевод, будучи явлением многогранным, представлен как объект исследования во множестве научных дисциплин, каждая из которых ставит во главе определенные стороны практической деятельности переводчика.

Одной из наиболее значимых сторон перевода в современной лингвистике считается прагматический аспект перевода. Прагматика, будучи разделом семиотики наряду с семантикой и синтактикой, рассматривает отношения знака к субъекту, который его использует и интерпретирует. [Morris, 1938]. Таким образом, в отношении любого текста, прагматика рассматривает взаимосвязь оригинального текста с лицом, осуществляющим обработку полученной информации. Подобная связь, в свою очередь, может нести как «интеллектуальный» характер, сообщая получателю новые данные, факты и т. п., но также и вызвать определенную эмоциональную реакцию, что в дальнейшем может побудить реципиента предпринять определенные действия. Способность текста производить подобный эффект на воспринимающего его человека, иначе говоря «осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации», именуется «прагматическим

аспектом» или «прагматическим потенциалом» (прагматикой) текста [Комиссаров, 1990: 209].

Несмотря на тот факт, что переводчик в своей деятельности обязан представить мысль исходного текста на другом языке с минимальным количеством искажений первоначального смысла, он, как и любой другой реципиент, проходит все этапы восприятия прочитанного материала. Для наиболее полного и глубокого извлечения содержащейся в тексте информации переводчику, помимо базовых познаний о языке, с которым он работает, необходимо располагать смежным с автором исходного текста уровнем фоновых знаний, включающем в себя как сведения о культуре, этносе, истории, так и владение актуальной обстановкой в стране. Вышеперечисленные пункты, создающие базу фоновых, контекстуальных знаний, тем не менее, не должны препятствовать нейтральному и беспристрастному восприятию переводчиком текста, так как он выполняет функцию так называемого «языкового посредника» в межкультурной коммуникации. Таким образом, одним из основных аспектов деятельности переводчика является «прагматическая беспристрастность» [Там же: 211].

Последующие этапы проводимых переводчиком трансформаций должны учитывать прагматическое влияние исходного материала на получателя информации, что потребует от переводчика внесения необходимых разъяснений и дополнительной информации. Данная мера необходима в ситуациях, когда различия в культуре, менталитете и жизненном укладе между двумя языковыми средами слишком сильны и препятствуют адекватному и полноценному восприятию обрабатываемого текста.

Прежде чем приступить к переводу, переводчику необходимо установить ряд существенных моментов, способствующих воспроизведению прагматического потенциала оригинала для достижения поставленной задачи, т. е. достичь желаемого эффекта на получателя переводного текста.

Во-вторых, установить доминантную функцию текста. Каждый текст обладает доминантной функцией, целью которой является оказать

определенное прагматическое воздействие на реципиента текста. Данная функция учитывается создателем текста при его составлении, например, тексты общественно-политического характера имеют целью воздействовать на публику.

В-третьих, в прагматических аспектах перевода большое внимание уделяется коммуникативной направленности исходного сообщения. В своих трудах А. Нойберт выделяет четыре типа текстов с учетом того, что привлечение прагматических моментов зависит от типа переводимого текста:

1) Тексты внешнеполитико-идеологического характера, имеющие цель воздействовать на внешнюю публику, т. е. граждан других стран. Такие тексты составляются так, чтобы оказать определенное воздействие на определенного рецептора. Учет прагматических моментов при переводе подобных текстов необходим для достижения желаемого эффекта.

2) Художественные произведения, рассчитанные на носителей иностранного языка, но во многих случаях они переводятся на другие языки, поэтому прагматические факторы в них играют важную роль.

3) Тексты, интересующие только носителей иностранного языка, например, газетные материалы. Тексты такого типа переводятся в узком масштабе, в связи с чем прагматические моменты не учитываются. Однако, когда необходимо перевести, например, какую-либо газетную статью, предназначенную для чтения носителями переводящего языка, следует учесть прагматику оригинала.

4) Тексты научно-технического характера, создаваемые для научных целей и ориентированные как на носителей иностранного языка, так и на носителей переводящего языка, занимающихся в той или иной научной сфере. Здесь нет необходимости прагматически адаптировать исходный текст в связи с наличием у носителей переводящего языка необходимой информации для понимания и раскрытия содержания текста, поскольку в данном случае нет нужды в дополнительном разъяснении.

Для достижения реципиентом максимального понимания исходного текста переводчик имеет право прибегнуть к использованию определенных средств и приемов, помогающих прояснить непонятные для носителя переводящего языка части материала. Совокупность данных приемов в современной лингвистике называют «прагматической адаптацией текста». К данному вспомогательному средству следует прибегать в тех случаях, когда необходимо добиться определенной реакции у реципиента текста или вызвать специфическое восприятие. Однако, стоит отметить, что данный прием не ограничивается лишь достижением желаемого эффекта. Грамотно примененная переводчиком прагматическая адаптация текста подразумевает собой передачу содержания оригинала так, чтобы реципиент перевода понял содержание этого текста так, как реципиент оригинала понимает исходное сообщение [Нойберт; цит. по: Акаш, 2009: 29–30].

Необходимо также обозначить, что эффекта в первом значении не всегда возможно достичь. Текст, созданный для одной группы людей, может восприниматься по разному ее же представителями, ввиду их личностных, индивидуальных различий. Результат восприятия того же текста в переводе группой людей с другим менталитетом, культурным мировоззрением может оказать еще больший эффект. «Достижение такого равенства не является обязательной целью любого перевода, а в некоторых случаях она принципиально недостижима, вследствие особенностей рецепторов перевода, невозможности определить реакцию рецепторов оригинала и ряда других причин» [Комиссаров, 1999: 140].

Прагматическая адаптация переводимого текста проводится переводчиком с опорой на экстралингвистическую информацию. Существуют некоторые способы адаптации исходного текста:

- 1) Добавление (расширение количества информации исходного текста);
- 2) Опущение (сокращение количества информации исходного текста);
- 3) Генерализация (обобщение части информации исходного текста);
- 4) Конкретизация (уточнение части информации исходного текста);

- 5) комментарии (отмеченные отдельно комментарии к той или иной части текста, проясняющие те или иные моменты исходного текста).

В качестве примера использования добавления приведем следующее предложение: «Нельзя представить Россию без Волги». Любому русскому читателю известно, что такое Волга, однако эта информация не предполагается известной для арабского читателя, в связи с чем в ПТ необходимо добавить слово «река» [Акаш, 2009: 31].

Как полагает в своем исследовании Л.Л. Нелюбин, прагматический аспект перевода является «установкой на адресата, получателя перевода», а также требует «тождественности эффекта, производимого оригиналом и переводом» [Нелюбин, 2008: 163]. Таким образом, текст оригинала должен быть адаптирован для реципиента, чтобы производимый эффект оригинала повторялся и в другом языке.

Л.С. Бархударов в своей работе предлагает не сводить понятие прагматики исключительно к понятию прагматического значения языковых единиц. В его понимании, данный термин отображает гораздо более широкое значение: но включает в себя все вопросы, «связанные с различной степенью понимания участниками коммуникативного процесса тех или иных языковых единиц и речевых произведений и с различной их трактовкой в зависимости от языкового и неязыкового (экстралингвистического) опыта людей, участвующих в коммуникации». Таким образом, в данном смысле «прагматика» не ограничивается лишь собственными прагматическими значениями языковых знаков и даже своей микролингвистической проблематикой. «Прагматика» фокусируется на «исследовании экстралингвистических факторов речи, таких как предмет, ситуация и участники речевого акта» [Бархударов, 1975: 107].

Большую роль в достижении прагматического аспекта играет наличие общих фоновых знаний между читателем на иностранном и переводимом языках. Переводчик должен учитывать данную особенность в своей деятельности и при необходимости добавлять пояснения: «поэтому учет

прагматического фактора является необходимым условием достижения полной переводческой адекватности» [Там же: 125].

Как полагает в своих работах П.В. Рыбин, основным критерием оценки воздействия перевода на получателя следует считать уровень понимания текста непосредственно самим получателем. Уровень понимания перевода во многом зависит от фоновых знаний получателя или, иными словами, степени его знакомства с предметом сообщения. Различия в фоновых знаниях, вызванные культурными, социальными, возрастными, индивидуально личностными и другим особенностями двух сторон в акте общения, представляют основной барьер на пути к полному пониманию исходного сообщения. Создавая текст перевода, переводчик стремится подчинить все свои действия решению поставленной перед ним конкретной прагматической задачи, т.е. задачи, ради которой осуществляется перевод. Так, если физическое лицо хочет открыть банковский счет за рубежом или взять там ипотечный кредит, то этому лицу просто необходимо иметь четкий, исчерпывающий русский перевод всей необходимой документации, подробное объяснение, толкование, а не столь удобный для специалистов вариант перевода, как транслитерация зарубежного термина, который может быть непонятен человеку, неискушенному в финансовой и юридической тематике. Таким образом, сама прагматическая задача и коммуникативная ситуация зачастую определяют вариативность способов перевода и последующий выбор наиболее адекватного варианта. Таким образом в целях соблюдения прагматической адекватности текста переводчик имеет право внести значительные изменения в исходный текст, отказываясь от прямых эквивалентов, используя добавочную лексику, пояснения, внося изменения в стилистику и эмоциональную окраску исходного материала, использовать пересказ или форму реферата [Рыбин, 2007: 61–62].

1.2 Понятие речевого воздействия

1.2.1 Изучение речевого воздействия в современной лингвистике

Термин «речевое воздействие» (англ., нем.: persuasion) в современной науке может трактоваться по-разному. При обращении к словарным определениям исследователям предлагается следующий вариант трактовки данного термина: «речевое воздействие – это регуляция поведения реципиента с помощью обращенной к нему речи (устной, письменной, через средства массовой информации)» [Азимов, Щукин, 2009: 253]. Предложенный вариант определения, несмотря на четкость формулировки, отражает лишь общее понятие термина, без учета лингвистического аспекта, т. е. при каких условиях речевое воздействие можно считать успешным, какие существуют виды данного воздействия, а также в каком контексте деятельности переводчика специалист по переводу может столкнуться с подобным явлением.

Если обратиться к исследованиям отечественных специалистов по коммуникации, то можно выделить несколько основных определений речевого воздействия, отражающих суть термина с точки зрения лингвистики и коммуникации. Одним из таких определений можно с уверенностью назвать трактовку термина в трудах Б.А. Ермолаева. Согласно предложенному им определению, речевое воздействие — это человеческое общение, взятое в определенном аспекте, и одновременно область исследования процессов воздействия людей друг на друга в ходе их общения. Однако, стоит разделять значение данного термина в широком и узком смысле. В первом случае — это любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описанное с позиции одного из коммуникантов, когда он рассматривает себя как субъект воздействия, полагая своего собеседника объектом. Очевидно, что, определение речевого воздействия в широком смысле делает его тождественным речевому общению в целом. Выделение речевого воздействия из речевого общения приводит к тому, что выделяется непосредственно аспект целевой обусловленности общения. Во втором, узком

смысле — это речевое общение в системе массовой информации или агитационном выступлении непосредственно перед аудиторией. Такое определение речевого воздействия отличает прежде всего то обстоятельство, что оно обычно используется в структуре координатных социальных отношений, когда коммуникантов связывают отношения равноправного сотрудничества, а не формальные, неформальные отношения субординации. Отсюда следует еще одна существенная характеристика речевого воздействия в узком смысле: объект речевого воздействия, будучи не связанным отношениями субординации с субъектом речевого воздействия и обладая известной свободой выбора своих действий, изменяет свою деятельность только в том случае, когда это изменение отвечает его потребностям [Ермолаев, 1990: 5].

Однако, стоит сделать акцент на том факте, что понятие речевого воздействия чаще всего встречается именно в рамках политического дискурса. Представляется, что в широком смысле можно говорить о речевом воздействии в самых разных типах дискурса (рекламе, науке, политике и т.д.), а также с точки зрения преследования разнообразных операционных целей — введения в заблуждение, опровержения противника, самопрезентации и т.д. Обратившись непосредственно к анализу лингвистических исследований, в которых предпринимаются попытки изучения факторов, позволяющих выявить в политическом типе дискурса речевые и языковые средства прямого и непрямого воздействия, являющиеся релевантными и принципиальными для проведения анализа конкретного языкового материала [Мищук, 2013: 249].

Таким образом, в исследованиях О.Л. Михалевой сферой применения манипуляции как вида речевого воздействия избирается политический дискурс. Последний трактуется как особый феномен, конструируемый коммуникантами и формирующий социальные отношения; тем самым принимается коммуникатороцентрическая точка зрения и отвергается текстоцентрический институциональный подход. Речевое воздействие как таковое реализуется в стратегиях и тактиках [Михалева, 2004: 41].

Схожий подход к определению речевого воздействия можно отметить в работах Т.С. Комисаровой, в которых речевое воздействие в политическом дискурсе задается признаками этого дискурса: институциональностью; варьированием; смысловой неопределенностью; иррациональностью и суггестией; театральностью. Стоит отметить, что речевое воздействие в рамках подобного подхода трактуется неоднозначно. С одной стороны, оно предстает как манипулирование, нацеленное на внедрение в сознание адресата установок, мнений, отношений. С другой стороны, речевое воздействие понимается широко, например, информация трактуется как воздействие. Важнейшей коммуникативной стратегией речевого воздействия считается самопрезентация с тактиками отождествления и солидаризации [Комисарова, 2008: 43].

Если же взглянуть на предложенные определения, выходящие за рамки политического дискурса и в которых внимание, не концентрируется вокруг самого понятия «манипуляции», то одним из самых полных вариантов трактовки термина «речевое воздействие» можно назвать предложенное определение И.А. Стернина. Речевое воздействие в его понимании - новая современная наука, предметом которой выступает эффективность общения. Данное определение обусловлено тем, что в настоящее время наука о речевом общении формируется как объединяющая, включающая в себя множество смежных наук - традиционной системной лингвистики, коммуникативной лингвистики, психолингвистики, прагматической лингвистики и др. [Стернин, 2012: 3].

Еще более многогранным, но от этого не менее глубоким определением является предложенная трактовка В.Ф. Петренко. В своем исследовании автор предлагает считать данный термин полисемантическим. За определением «речевое» может стоять устная и письменная речь и даже внутренняя речь, связанная с автокоммуникацией. При широкой трактовке языка (язык мимики, жестов, танца, киноязык) под речью может пониматься и видеоряд киномонтажа, и ритуальный обряд, и опера, и пантомима. Под эффектом речевого воздействия может подразумеваться непосредственное изменение

поведения субъекта (реципиента) воздействия или его эмоционального состояния, или его знаний о мире, или его отношения к тем или иным событиям и реалиям этого мира, т. е. изменение его личностного смысла. Наконец, речевое воздействие может быть монологичным как форма воздействия на другого человека или других людей и диалогичным как форма побуждения к общению значимого другого — носителя знаний, ценностей, некоей уникальной картины (образа) мира и в силу этого включать возможность перестройки не только сознания другого человека, но и собственного сознания. В широком смысле слова, речевое воздействие связано с изменениями индивидуального сознания или, что для нас синонимично, с изменениями имплицитной картины мира, или образа мира субъекта. Текст может воздействовать на разные уровни человеческого сознания, осуществляя различные формы изменения образа мира человека. В рамках психосемантической модели сознания можно выделить три формы таких изменений, подразумевая, конечно, что в реальном процессе речевого воздействия они существуют в единстве, но различна степень их выраженности [Петренко, 2010: 273].

Как подчеркивают в своих трудах Г.А. Балл и М.С. Бургин., исследования психологического воздействия находится на начальных этапах, что обуславливает необходимость развития понятийного аппарата. «Психологическим естественно считать такое воздействие индивидуального или группового субъекта В, которое вызывает или предотвращает изменение психологических характеристик и проявлений индивида-реципиента А, в том числе относящихся к его деятельности (и поведению в целом), к его сознанию (и бессознательной сфере психики), к его личности» [Балл, Бургин: 1994: 58].

Среди определений данного термина, предложенных зарубежными авторами, сложно выделить такое же большое количество исследований в этой области. Стоит отметить, что в подавляющем большинстве работы на тему «*linguistic persuasion; linguistic manipulation*» отсылают к трудам

русскоязычных авторов. Данный факт еще раз подтверждает актуальность настоящего исследования.

Существует множество разновидностей речевого воздействия. В зависимости от выбранных параметров существует несколько видов классификации речевого воздействия:

1. По характеру средств общения различают вербальное и невербальное речевое воздействие. Вербальное воздействие – это коммуникативное воздействие, осуществляемое средствами языка, при помощи языковых единиц, словами, текстом. Релевантны для вербального речевого воздействия выбор языковых средств для выражения мысли, само содержание речи – ее смысл, приводимая аргументация, расположение элементов текста относительно друг друга, использование приемов речевого воздействия и др. В результате вербального воздействия возникает также подтекст – скрытый смысл сообщения, косвенно передаваемый текстом. Невербальное речевое воздействие – это воздействие, осуществляемое сопровождающими речь несловесными сигналами. Невербальное воздействие может быть не только речевым – оно может быть чисто зрительным, физическим и др. [Стернин, 2001: 56–57].

2. По направленности на адресата речевое воздействие бывает социально ориентированным (СРО) и лично ориентированным (ЛРО). В зависимости от направленности (на конкретного человека или группу лиц), данная характеристика определяет средства и сам процесс общения. Таким образом, многие языковые особенности в транслируемой по средствам массовой информации речи зависят именно от направленности [Леонтьев, 1999: 43].

3. По речевой форме воздействие может быть монологичным и диалогичным. Монологичное речевое воздействие подразумевает влияние на другого человека или других людей, в то время как диалогичное побуждает к общению значимого другого носителя знаний, ценностей, некоей уникальной картины (образа) мира и в силу этого включает возможность

перестройки сознания не только другого человека, но и своего собственного [Петренко, 2005: 273].

4. Согласно характеру взаимодействия субъекта и объекта воздействие может быть как прямым, так и косвенным. Прямой способ речевого воздействия подразумевает средства, прямо выражающие соответствующую коммуникативную цель говорящего. «Так, например, формы повелительного наклонения традиционно ассоциируются со значением побуждения, повествовательные и вопросительные высказывания условно связаны с иллюкутивными силами сообщения и запроса информации». Косвенный способ речевого воздействия представляет собой употребление языковых форм для выражения иллюкутивной силы, не связанной с их прямым языковым значением. «Косвенные формы не выражают открыто намерений говорящего» [Гришечко, 2008: 56].

5. В зависимости от целей и отношения к адресату речевое воздействие может быть манипулятивным и неманипулятивным. При манипулятивном воздействии адресант стремится добиться необходимого результата, при этом не учитывает интересы адресата, не желает идти на уступки, но и не идет на открытую конфронтацию с собеседником. Неманипулятивное речевое воздействие, как правило, сопровождается компромиссом, договором [Денисюк, 2003: 23].

6. По степени осознанности речевых действий различают намеренное (интенциональное) и ненамеренное (неинтенциональное) воздействие. «При намеренном речевом воздействии субъект ставит перед собой задачу добиться определенного результата от объекта речевого воздействия. Побочное речевое воздействие оказывается не произвольно, поскольку субъект не ставит задачу добиться определенного результата от объекта» [Гришечко, 2008: 56].

7. Речевое воздействие может подразделяться согласно типу речевых действий на следующие виды: социальное (социальные неинформационные речевые акты, предполагающие виртуального адресата, клишированные

высказывания: приветствия, клятвы, молитвы), волеизъявительные (речевые акты выполнения воли адресанта: приказы, просьбы, отказы, советы и т.д.), информационно-разъяснительное (речевые акты, несущие информацию и ее толкование: объяснение, доклад, сообщение, признание), эмоционально-оценочное (речевые акты, устанавливающие общественные мораль и правовые, межличностные субъективно-эмоциональные отношения: порицание, похвала, обвинение, оскорбление, угроза) [Там же: 56].

1.2.2 Способы речевого воздействия

Детальное рассмотрение понятие речевого воздействия невозможно без освещения способов его осуществления. Индивидуальный набор средств и приемов, с помощью которых осуществляется речевое воздействие, подбирается исключительно исходя из целей и задач, стоящих перед лицом, намеревающимся воздействовать на собеседника или группу людей.

И.А. Стернин в своей работе «Введение в речевое воздействие» предлагает свою типологию способов реализации воздействия на личность. Главной целью каждого из приемов автор считает изменение поведения или мнения человека в выгодном для говорящего ключе. Согласно автору, типология способов речевого воздействия имеет следующий вид:

1. Доказывание – Основанный на законах логики, данным способ заключается в приведении аргументов по принципу: «Во-первых, во-вторых, в-третьих...». Подобный способ оказывает эффективное воздействие на человека с логическим мышлением, однако стоит учитывать, что нередко эмоции полностью подавляют логику.

2. Убеждение – имеет примерно следующую структуру: «Во-первых... Во-вторых... Поверь, так оно и есть! Поверь мне, это действительно так...» и т.д. Убеждение в определенном смысле означает навязывание своей точки зрения собеседнику.

3. Уговаривание – всегда осуществляется очень эмоционально, интенсивно, обычно на многократном повторе просьбы или предложения: «Ну пожалуйста... ну сделай это для меня...и т. д.». Уговаривание имеет высокий эффект в ситуации эмоционального возбуждения, когда собеседник в равной степени может выполнить просьбу, а может и не выполнить. Однако в серьезных вопросах уговаривание редко может привести к успешному результату.

4. Клянченье – представляет собой высоко эмоциональную просьбу, основанный на многократном повторе этой самой просьбы. Ярким примером такого способа является ситуация, когда ребенок просит что-то у родителей: «Ну купи...ну купи...ну пожалуйста...и т. д.».

5. Внушение – побуждение собеседника просто поверить собеседнику, без обдумывания, без критического осмысления. Данный способ основан на сильном эмоциональном давлении, присутщем чаще всего людям с волевым характером и ярко выраженной харизмой.

6. Приказ – побуждение человека выполнить что-либо в силу его зависимого должностного, социального и т.д. Редко применяется за рамками должностных отношений, в которых подчиненные обязаны слушаться вышестоящих по иерархии начальников.

7. Просьба – отождествляется с побуждением собеседника сделать что-либо в интересах говорящего, руководствуясь просто хорошим отношением к говорящему, откликаясь на его потребность. Данный способ имеет малую эффективность, так как существует множество возможностей отказа.

8. Принуждение – предполагает собой грубый психологический нажим с демонстрацией силы, основанный на угрозах. Как отмечает автор, в цивилизованном обществе не может стоять наравне в вышеперечисленными способами [Стернин, 2012: 49–50].

Однако, способы речевого воздействия могут отличаться друг от друга и одновременно служить одной цели адресанта. В своих исследования

А.А. Леонтьев рассматривает речевое воздействие не как пассивное подчинение чужой воле, а как сознательную оценку значимости мотивов, осознанный выбор из ряда возможностей. Таким образом, предложенные автором способы речевого воздействия применяются с целью облегчения осознания, ориентировки в ситуации, подсказывая реципиенту известные основания для выбора. Леонтьев выделяет три основных способа речевого воздействия:

1. Введение в поле значений реципиента новых знаний об элементах ему неизвестных, исходя из которых он изменит свое поведение или, по меньшей мере, пересмотрит свое отношение к объекту или явлению.

2. Изменение структуры поля значений реципиента без введения новых элементов исключительно за счет новой информации об уже известных реципиенту вещах.

3. Убеждение, в котором уже известная реципиенту информация представляется в другом свете, влияя на эмоциональный, оценочный компонент [Леонтьев, 1999: 271–275].

1.2 Манипуляция как разновидность речевого воздействия

Подход к изучению речевого воздействия практически не представляется возможным без исследования такого явления как «манипуляция». По своей природе манипуляция предполагает достижение определенного результата в поведении человека или группы людей, что подразумевает собой явное или скрытое воздействие на реципиента, как с помощью письменной, так и устной речи. С развитием средств массовой информации термин «манипуляция» представляет особую важность, так как многие политические и гражданские силы прибегают к использованию приемов манипуляции для распространения и навязывания своих взглядов, или же отвлечение внимания группы людей от определенных вопросов. Для того, чтобы более подробно понять данный термин необходимо обратиться к

истокам понятия. Само слово «манипуляция» происходит от латинского сочетания слов «manus» - рука, и «pellere» - толкать, ударять, приводить в движение). Таким образом термин в изначальном смысле обозначает «ручной прием, ощупывание чего-либо руками, особенно прикосновение магнетизера к нервнобольному» [Чудинов, 1894: 495].

В лингвистике многие эксперты предлагают рассматривать термин «манипуляция» как одну из разновидностей речевого воздействия. При этом, можно провести четкую границу между двумя основными подходами в изучении манипуляции. Первый проводится в рамках методологии критического дискурс-анализа, представленного в работах Т. ван Дейка, в то время как второй имеет в своей основе прагматический подход в логике Д. Спербера и Д. Вилсона. Представители первой концепции предлагают рассматривать манипуляцию как одну из разновидностей аргументирующего дискурса, призванного укрепить власть одной из политических сил, и в которой особое внимание уделяется роли манипулятора, оказывающего непосредственное воздействие. Приверженцы прагматической концепции предлагают своей вариант трактовки манипуляции, в котором данный термин представляет собой искусно выстроенный контекст, определяющий актуализируемую информацию в сознании реципиента. Данный подход к определению манипуляции предполагает собой применение манипулятором так называемых «маршрутов интерпретации», однако сам процесс смыслоформулирования происходит исключительно в сознании реципиента [Колмогорова и др., 2016].

Однако, стоит отметить тот факт, что некоторые лингвисты предлагают разграничивать такие понятия как «речевое воздействие» и «манипуляция». По мнению Стернина, основным отличием данных понятий выступает сознательность или бессознательность адресанта. «Речевое воздействие – это воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т.д., а манипулирование – это воздействие

на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. неосознанно или вопреки его собственному мнению, намерению» [Стернин, 2001: 56].

По мнению Г.А. Копниной, учитывая выделенные психологами признаки манипулирования, языковую (речевую) манипуляцию (манипулирование) следует рассматривать как разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата [Копнина, 2012: 24].

Необходимо отметить тот факт, что одна часть предложенных определений манипуляции фокусирует свое внимание на скрытом характере проводимого действия, другая выделяет воздействие манипулятора, а некоторые исследователи в своем определении подчеркивают различия между исходной интенцией реципиента и внушаемой. Такая разница в подходах к изучению термина манипуляции объясняется тем фактом, что данное явление располагается на пересечении границ нескольких наук, таких как лингвистика и психология, и на данный момент само понятие рассмотрено недостаточно. Таким образом, для глубокого понимания данного явления необходимо рассмотреть его не только с точки зрения лингвистики, но и психологии.

В исследованиях отечественных психологов одним из наиболее широко раскрытых понятий манипуляции можно считать трактовку Е.Л. Доценко. В Своих работах автор выделяет манипуляцию как «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко, 1997: 59]. В дальнейшем автор предлагает выделить определенный набор критериев манипуляции:

- 1) Родовой признак – психологическое воздействие;
- 2) Отношение манипулятора к другому как средству достижения собственных целей;
- 3) Стремление получить односторонний выигрыш;

- 4) Скрытый характер воздействия;
- 5) Использование (психологической) силы, игра на слабостях;
- 6) Побуждение, мотивационное привнесение;
- 7) Мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий [Там же: 58].

Однако, как автор сам подмечает, основным признаком манипуляции, без которого она не может состояться является непосредственно «скрытый характер воздействия», а также побуждение реципиента к совершению определенных действий как способ изменения его мотивации [Там же: 58].

Анализируя труды как отечественных, так и зарубежных специалистов Г.А. Копнина подчеркивает, что предложенные определения речевой манипуляции в большинстве своем опираются на дефиницию, описанную Е.Л. Доценко и содержат признаки психологического воздействия. В своей работе автор предлагает собственное определение термину «манипуляция»: Речевая (языковая) манипуляция (манипулирование) — разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата [Копнина, 2012: 24]. Однако, из предложенного определения можно сделать вывод, что само манипулятивное действие невозможно без так наличия называемых «определенных ресурсов языка». Данные ресурсы языка, или как их еще называют «языковые приемы» многими авторами выделяются как манипулятивные стратегии. Анализ их применения в ходе переводческой деятельности может помочь в выявлении манипулятивного воздействия в тексте.

1.3 Стратегии манипуляции и перевод

Каким бы ни было намерение манипулятора сама процедура воздействия на восприятие реципиентом обработанного текста невозможна без

применение соотносящихся с целями и задачами манипулятора способов манипулирования. На данный момент существует несколько классификаций и типологий стратегий манипуляции, предложенных как отечественными, так и зарубежными исследователями.

Однако в первую очередь для развернутого понимания термина «стратегия» обратимся к предложенным специалистами по коммуникации вариантам определения данного термина:

В толковом словаре Ожегова одним из определений стратегии является «искусство руководства общественной, политической борьбой, а также вообще искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах». В отечественной лингвистике коммуникативные стратегии представляются как часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели [Кашкин, 2000: 24].

О.С. Иссерс в своей работе подчеркивает, что конечной целью любой речевой стратегии является коррекция модели мира адресата, а также, что любые стратегии могут быть описаны в виде продукций [Иссерс, 2008: 109]. Если выявлены условия, определяющие ту или иную стратегию, то можно прогнозировать, что определенные речевые действия должны с достаточной долей вероятности гарантировать успех.

А.А. Романов определяет коммуникативную стратегию как тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с целью достижения локальных и глобальных коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа [Романов, 1990: 103].

М.Л. Макаров по-своему трактует этот термин. Главным его признаком он называет динамику соотношения осуществляемого в данный момент хода с предшествующими, а также их влияние на последующие. Он считает, что с одной стороны, стратегия представляет собой цепочку решений говорящего,

коммуникативных выборов речевых действий и языковых средств. Однако в то же время стратегия является и реализацией набора целей в структуре общения [Макаров, 2003: 193–194].

Другие стратегии манипуляции в своих работах рассматривает Т.С. Ковалева. Одной из основополагающих стратегий по мнению автора является использования «мифа» как способа речевого воздействия на реципиента, т.е. манипулирования. Миф в современности стоит выделять как способ отражения внеязыковой действительности, как отражение не существующих в реальности событий, целенаправленное конструирование виртуальной реальности [Доброклонская; цит. по Ковалева, 2011: 79], изменяющее когнитивные категории в сознании адресата. Миф воздействует на читателя таким образом, что под видом рациональной информации на человека обрушивается информация эмоциональная, которую он не может осмыслить и управлять ей. Это продиктовано особенностями строения мифа, который объединяет в себе рациональное и эмоционально-оценочное начало. Обращение к мифу основано на желании осознать ситуацию как рациональную ценностно-поведенческую конструкцию, что реализуется в кризисных ситуациях, когда человеку неясны истинные причины происходящего. Миф в этом случае может рассматриваться как компенсация и дополнение недостающей, но очень важной информации. Он объясняет сложные явления действительности, определяет роли участников ситуации, предлагает правила поведения, оправдывает политические действия и социальные установки [Ковалева, 2011: 79].

Стоит отметить, что подобная стратегия может оказать весьма осязаемое влияние на реципиента, однако для переводчика применение ее в ходе своей деятельности без заметных как для адресата так и для адресанта искажений является задачей чрезвычайно сложной, если не сказать практически невыполнимой. Основной целью переводчика, какой бы ни была его интенция, в ходе своей деятельности является максимально возможное перенесение смысла исходного текста, без отторжения с обеих сторон коммуникации.

Внесение таких существенных изменений в переводе может с большей степенью повлиять на восприятие обработанного материала как со стороны адресанта (чаще всего оценивающего качество перевода), так и со стороны адресата (подсознательно выстраивающего лексические ассоциации благодаря своему запасу фоновых знаний).

Таким образом, большинство предложенных толкований термина «коммуникативная стратегия» концентрирует внимание на применении манипулятором определенно выбранных приемов и средств для достижения необходимого результата в ходе вербальной или невербальной коммуникации. Однако, подобный подход к определению коммуникативной стратегии обуславливается происходящим в непосредственный момент коммуникативным актом, без учета применения переводческой обработки исходного текста. Основопологающей разницей в определении «стратегии» в данном случае служит не интенция адресанта по отношению к адресату, а намерения и цели переводчика как посредника между этими двумя объектами коммуникации. Следовательно, в дальнейшем стоит рассматривать стратегии манипуляции не как способ одного участника коммуникации добиться необходимых ему действий или реакции у другого участника, а как методы и приемы речевого воздействия в ходе переводческой деятельности, обусловленные в большей степени целями и задачами непосредственно переводчика. Отсюда следует, что наряду с таким термином как «стратегия манипуляции» необходимо также рассмотреть такие понятия как «стратегия перевода» и «манипулятивный перевод».

Манипуляция в переводе уже продолжительное время рассматривается специалистами по всему миру. Возникшая еще во второй половине 20 века Манипулятивная Школа по исследованию переводов (от англ. Manipulation School of translation studies) рассматривает перевод как одну из разновидностей манипуляции. Данная идея объясняется тем, что исходный текст неизбежно подвергается определенной манипуляции, опирающейся в большинстве своем на социологию и культурологию [Klimovich, 2015: 245].

Как полагает в своих исследованиях А. Дукате, манипуляция в переводе это ничто иное как адаптация исходного текста для целевого реципиента, проделанная с учетом культурных, идеологических, языковых и буквальных различий между двумя контактирующими культурами, протекающая в рамках определенного культурного контекста и проводимая исключительно человеком, с возможными факторами влияющими на личностное, психологическое восприятие переводимого текста [Ducate, 2007].

В своих работах Н.В. Климович рассматривает типологию стратегий манипуляции на примере художественных текстов, переведенных с английского на русский язык в эпоху советского союза. Одним из самых распространенных способов идеологической манипуляции при переводе в ту эпоху можно считать «опущение» (omission). Автор уточняет, что опущения в текстах были санкционированы имеющейся на тот момент цензурой в стране. Самым распространенным примером можно считать опущение слов или целых предложений касающихся культурных различий, таких как библеизмы. Во времена распространения в советском союзе атеистических взглядов многие тексты зарубежных авторов подвергались цензуре в отношении фраз упоминающих верования различных мировых конфессий, с целью исключить нежелательную «пропаганду» различных теистических направлений на территории СССР. Как в дальнейшем отмечает Климович, опущения могут быть вызваны тем фактом, что переводчик посчитал некоторые слова или предложения нерелевантными по отношению к переводимому тексту, или же они могли помешать восприятию реципиента исходного смысла. Некоторые фразы и вовсе могли иметь противоположную семантику при переводе на русский язык, из-за чего от них избавлялись [Klimovich, 2017: 362].

Еще одним распространённым способом манипуляции при переводе можно считать «замещение» (substitution). Подобная стратегия позволяет подобрать схожее по значению слово или выражение, чтобы обойти сильный на тот момент режим цензуры, и хотя бы синонимами передать смысл

исходного текста без необходимости использования «опущения» [Klimovich, 2017: 363].

В своем исследовании автор также отмечает, что одной из стратегий манипуляции в переводе может служить «антонимичный перевод». Это сложная лексико-грамматическая подмена, проявляющаяся в придании противоположного значения слову или выражению в переведенном тексте. Положительное предложение может получить негативное значение и наоборот, к чему добавляется замена слова на его антоним при переводе. В условиях идеологической манипуляции переводимым словам и фразам, которые было необходимо изменить, придавался негативный оттенок. Такие явления происходили с Библейскими именами, которые очень часто заменялись на междометия. Однако, как отмечает и сам автор, исследования в области способов и стратегий манипуляций в переводе ввиду своей сложности требует дальнейшего комплексного рассмотрения для выявления в будущем большего спектра стратегий и их влияния на реципиента [Klimovich, 2017: 364].

Рассматривая труды различных исследователей Н.Г. Корнаухова, предлагает выделить типологию стратегий на основе того, стремится ли переводчик передать все отличия оригинального текста, или же наоборот, как можно более сильнее адаптировать для реципиента. Таким образом, автор предлагает выделить такие стратегии как доместикация (адаптация исходного текста под иностранного читателя) и форенизация (сохранение культурных различий исходного текста).

Исходя из определений форенизации и доместикации, можно судить об их идеологическом характере (предпочтение и, тем самым, навязывание читателю/зрителю либо ценностей иностранного языка, либо ценностей переводного языка. Действительно, при доместикации, переводя текст чужой культуры в соответствии с канонами и ценностями своей собственной культуры, переводчик воздействует (часто совершенно неосознанно, в силу устоявшейся традиции и ожиданий читателя) на сознание читателя, укрепляя позиции устоявшихся литературных и ценностных канонов, которые, в свою

очередь, являются манифестацией вкусов и интересов правящей элиты [Корнаухова, 2011: 90].

В силу своей дихотомической природы предложенные Н.Г. Корнауховой стратегии перевода с малой долей вероятностью можно использовать совместно. Каждая из них ставит перед собой диаметрально противоположную цель, что прямым образом повлияет на разнообразие доступных переводчику приемов речевого воздействия, так как в одном тексте достаточно сложно применить приемы относящиеся как к стратегии доместикации, так и к стратегии форенизации.

Несмотря на большое количество предложенных специалистами классификаций и типологий стратегии манипулирования, только часть из них отражает суть манипуляций в ходе переводческой деятельности. Таким образом обуславливается актуальность подобных исследований, целью которых является расширение списка манипулятивных стратегий в переводе, а также описание возможных результатов такого речевого воздействия.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Деятельность переводчика включает в себя прагматические аспекты организации межкультурного и межъязыкового взаимодействия. Большинство исследователей сходятся во мнении, что прагматический аспект в деятельности переводчика представляет особую важность, так как текст может сообщать реципиенту не только информацию, но и эмоции, которые в свою очередь могут побудить к определенным действиям.

2. Под речевым воздействием в данной работе, вслед за И.А. Стерниным, будет пониматься – явление, обеспечивающее эффективность коммуникации. Являясь новым направлением исследований в современной лингвистике, теория речевого воздействия формируется как объединяющая, включающая в себя множество смежных наук сфера – традиционную системную лингвистику, коммуникативную лингвистику, психолингвистику, прагмалингвистику и др.

3. Для достижения эффективности в передаче исходного смысла реципиенту переводчиком в контексте речевого воздействия может быть использован и такой его прием, как «манипуляция». Манипуляция рассматривается нами как разновидность речевого воздействия, имеющая скрытый характер и нацеленная на создание не критичного восприятия речевого сообщения, при котором в сознании реципиента формируются образы, необходимые для достижения нужного прагматического результата.

4. Таким образом, в своей деятельности, переводчик имеет возможность прибегнуть к манипулятивному переводу с помощью стратегий манипуляции. Одной из первых типологий стратегий при манипулятивном переводе является классификация Н.В. Климович, в которой перечислены следующие стратегии:

1. «Опущение» (omission);
2. «Замещение» (substitution);
3. «Антонимичный перевод» (antonymous translation).

ГЛАВА 2. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ

2.1 Классификация стратегий манипулятивного перевода

В настоящем исследовании рассматриваются основные манипулятивные стратегии, используемые при переводе с русского на французский речей российских политиков и опубликованных во франкоязычной прессе. Однако, в ходе анализа исследуемого материала было принято решение о составлении нового варианта классификации стратегий манипулятивного перевода на основе уже предложенных типологий. Основным принцип выделения каждой из стратегий заключается в ее непосредственной цели, определяющей влияние на восприятие реципиентом информации. В процессе составления классификации были выделены следующие стратегии:

1. Смещение фокуса центра внимания;
2. Смещение оценки;
3. Смещение по временной оси.

Однако данные стратегии лишь представляют цель адресанта, но не могут быть реализованы без применения переводческих приемов. В ходе настоящего исследования также были выявлены переводческие приемы, присущие каждой из выделенных стратегий манипуляции. Так как каждый прием может относиться к одной или нескольким стратегиям манипулятивного перевода, определение их взаимосвязи играет определяющую роль в анализе переведенных текстов. Выявление наиболее частотных переводческих приемов в отношении каждой из выделенных манипулятивных стратегий позволяет получить наиболее широкое понимание процессов манипуляции в ходе переводческой деятельности, а также инструментов ее осуществления. Таким образом, в ходе проведенного анализа выбранного материала были выявлены следующие переводческие приемы: лексическая трансформация, лексико-грамматическая трансформация,

грамматическая трансформация, синтаксическая трансформация, добавление, опущение, повтор, антонимичный перевод, смена склонения.

В настоящем исследовании проанализированы тексты интервью российских политиков, переведенные на французский язык франкоязычными средствами массовой информации. Основой для проведения текстуального и контекстуального анализа послужили интервью президента Российской Федерации В.В. Путина, председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева, а также министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова. Главным критерием для выборки текстов послужила потенциальная возможность применения стратегий манипуляции при переводе с русского на французский язык интервью данных политиков, так как их заявления в большей степени отражают проводимую страной внешнюю политику. Ввиду складывающихся в настоящее время внешнеполитических отношений между Россией и остальными странами Запада и Востока создание и поддержание определенного образа Российской Федерации и ее ключевых политических фигур в иностранных СМИ представляет особый интерес для представителей иностранных медиа сфер, включая франкоязычные информационные ресурсы, теле- и радиоканалы, а также печатные издания. Таким образом, в переводах выбранных текстов высока вероятность наличия предложенных стратегий манипуляции, так как переведенный и опубликованный в средствах массовой информации материал способен повлиять на восприятие франкоязычным реципиентом образа личности, политики или страны в целом.

2.2 Стратегия смещения центра внимания

Данная стратегия представляет собой разновидность манипуляции, с помощью которой реализуется смещение фокуса с одного объекта, явления, личности и т. п. на другой. Данная стратегия способна значительно исказить изначальный смысл высказывания за счет различных переводческих приемов.

Рассмотрим применение стратегии смещения центра внимания на примерах переведенных интервью российских политиков с русского на французский язык.

1) *Te хакеры, о которых говорилось всё время (я сейчас к этому вернусь, не переживайте), вскрыли почту, как нам говорят, и там была информация о том, что внутри Демократической партии происходят манипуляции в пользу одного из кандидатов.*

2) *Les hackers, mentionnés tout le temps, (je reviens à ce moment là, ne vous inquiétez pas) ont ouvert le courrier, comme on dit, et il y avait des informations selon lesquelles la manipulation avait lieu au sein du Parti démocrate en faveur de l'un des candidats.*

Фраза из оригинального текста “как нам говорят” была переведена как *comme on dit*. Как видно из примера, в переводе было опущено местоимение “нам”, что может исказить восприятие оригинального высказывания, так как изначально оно подчеркивало различие взглядов сторон на обсуждаемый вопрос. Примененный в переводе прием «опущение» смещает центр внимания с разделения взглядов сторон, что создает образ согласия с предложенной версией событий.

3) *Более того, наши российские следователи в соответствии с этим договором могли бы допросить всех людей, которых американская сторона в чём-то подозревает.*

4) *De plus, nos enquêteurs russes pourraient, selon cet accord, interroger toutes les personnes que la partie américaine soupçonne d'une manière ou d'une autre.*

Выражение из оригинального текста “в чём-то подозревает” трансформировалась при переводе в *d'une manière ou d'une autre*. Данный прием лексико-грамматической трансформации изменяет изначальный смысл высказывания. Интервьюируемый в своем изначальном высказывании с помощью выражения “в чём-то” подчеркивал, что до сих пор неизвестно, в чем заключаются подозрения со стороны другого государства. Однако

переведенный вариант изменяет смысл на “подозревает тем или иным образом”, что способно сместить фокус с отказа одной из сторон признать наличие самого факта вмешательства.

5) *И Вы что думаете, мы тотально со всеми работаем, бегают наша спецслужба за всеми, что-то подслушивает и подглядывает, что ли?*

6) *Et pensez-vous que nous [nos services de renseignement] travaillons sur tout le monde? que nous dirigeons notre service de renseignement à espionner tout le monde, les écouter et lisant leurs courrier électronique, ou quoi?*

Глагол из оригинального текста *подглядывает* при переводческой трансформации стал *lisant leurs courrier électronique*. Примененные в данном примере приемы лексической трансформации и добавления изменяют изначальный смысл фразы. Смещая центр внимания с “подглядывает” (т.е. следит) на «читать их электронную почту», переводчик создает искаженное восприятие реципиентом, так как в предложенном варианте перевода интервьюируемый сам заявляет о том, в чем его страну обвиняет другое государство.

7) *В Ракке погибло огромное количество мирного населения.*

8) *Dans la guerre, un grand nombre de civils sont morts.*

Название города “Ракка” из изначального текста было замещено на существительное *la guerre*. Прием замещение в данном случае переносит внимание с событий, происходивших в конкретном городе на действия, происходящие в ходе очередной войны, что исключает конкретику из ответа в ходе интервью.

9) *Мы с самого начала предупредили наших американских партнёров о том, что мы не готовы строить систему ПРО, потому что пока не видим её эффективности и она слишком дорогая, но мы будем делать всё для её преодоления.*

10) *Nous avons averti nos partenaires américains dès le début que nous n'étions pas prêts à construire un système de défense antimissile, car nous*

n'envisagions pas encore son efficacité, et c'était trop cher, mais que nous ferions tout pour surmonter ces difficultés.

Фраза “*всё для её преодоления*” в оригинальном тексте относится к системе ПРО. Однако в переводе, фраза *tout pour surmonter ces difficultés* относит глагол *surmonter* “преодолеть” к существительному *difficultés* “трудности”, которое в свою очередь смещает внимания на перечисленные факторы: *n'envisagions pas encore son efficacité, et c'était trop cher*, “не видим эффективности, и она слишком дорогая”.

11) *Это же не мы организовали там военный государственный переворот и вооружённую смену власти в нарушение конституции Украины, не мы же там пирожки раздавали повстанцам на этот счёт?*

12) *Ce n'est pas nous qui avons organisé un coup d'État militaire et un changement de pouvoir armé en violation de la constitution de l'Ukraine, n'avons-nous pas distribué des provisions aux insurgés?*

В предложенном варианте перевода оригинальное выражение “*не мы же там пирожки раздавали повстанцам на этот счёт?*” было трансформировано с помощью лексической трансформации в *n'avons-nous pas distribué des provisions aux insurgés*, что смещает фокус с пирожков (метафоры обещаний) на реальную провизию и искажает восприятие изначального текста.

13) *Ведь никто конкретного ничего не говорит.*

14) Перевод: *Après tout, personne ne dit rien.*

При использовании приема опущение из фразы на русском языке в переводе пропало прилагательное “*конкретного*”, что смещает внимание с отсутствия точных формулировок на простое молчание.

15) *Теперь мы слышим, что ещё два человека пострадали от этого так называемого химического препарата, который называют «Новичком». Но я даже фамилий этих никогда не слышал.*

16) Перевод: *Maintenant, nous apprenons que deux autres personnes ont souffert de ce soi-disant gaz toxique chimique, qui est appelé "Novitchok". Mais je n'ai jamais entendu parler de ce nom.*

Исходя из контекста переведенной фразы, речь идет о применении ядовитого вещества под названием "новичок", так как предыдущее предложение в варианте перевода заканчивалось упоминанием названия вещества. Однако, в оригинальном тексте речь идет о фамилиях людей, подозреваемых в применении данного вещества, что изменяет восприятие ответа.

17) *Что это за люди, от чего они пострадали, почему?*

18) *De quel genre de gens viennent-ils, pourquoi ont-ils été atteints?*

В ходе переводческой трансформации было опущено словосочетание *от чего* и в последствие заменено на *pourquoi* "почему", что уводит взгляд читателя от конкретной причины нанесенного вреда, создавая генерализированный образ беды.

19) *Часть территории окончательно закреплена за Россией, часть территории окончательно закреплена за Китайской Народной Республикой.*

20) *Une partie du territoire a été affectée à la Russie, et une autre à la République populaire de Chine.*

В своей речи интервьюируемый отмечает, что территории обеих стран закреплены за ними "окончательно", однако в переводе данное наречие опущено, что искажает изначальный смысл высказывания для реципиента.

21) *Поэтому это элементарные вещи.*

22) *C'est simple.*

Если в оригинальном тексте наречие "поэтому" подводило итог ответа тем, что упомянутые факты являются элементарными по уже объясненным причинам, то в варианте перевода, где наречие опущено, данное высказывание лишь выражает оценку говорящего. В данном случае прием опущение.

23) *Там очень много составляющих, о которых должен подумать Центральный банк, и лучше не трогать его компетенции.*

24) *La Banque centrale a beaucoup à gérer et il est préférable de ne pas interférer avec sa compétence.*

При переводе дважды была использована лексическая трансформация: глагол *podумать* заменен на *gérer* “руководить”, *ne trogать* на *ne pas interférer* “не вмешиваться”. Опубликованный вариант перевода изменяет изначальный смысл, смещая фокус с необходимости продуманных действий со стороны банка на простое управление и невмешательство в его деятельность.

25) *Poэtому, пoвтopяю, кypc нe дoлжeн opиeнтpoвaтbся нa интepесы кoнкpeтнoй гpуппe либo oднoй-двух гpупп, oн дoлжeн cooтвeтcтвoвaтb фундaмeнтaльным интepесaм paзвития сaмoй экoнoмики.*

26) *Par conséquent, permettez-moi de rappeler que le taux ne devrait pas répondre aux intérêts d'un groupe spécifique ou deux, il doit répondre aux intérêts fondamentaux du développement de l'économie elle-même.*

В ходе переводческой трансформации был использован прием добавление: *permettez-moi de rappeler* “позвольте мне повторить”. Изначальный фокус на повторе слов по уже объясненным причинам смещен, так как создается впечатление, что вместо настойчивого аргумента говорящий лишь объясняет возможность повтора своих слов.

27) *Но у нас уровень такой, что он может обеспечить наш товарооборот, если всё прекратит работать, только за счёт золотовалютных резервов как минимум полгода, а то и больше, поэтому это более чем достаточно.*

28) *Si tout s'arrête, ce niveau sera en mesure d'assurer notre chiffre d'affaires du commerce extérieur en utilisant les réserves d'or et de devises étrangères pendant au moins six mois ou plus, ce qui est largement suffisant.*

В исходном тексте говорится о том, что “только” лишь благодаря одним золотовалютным резервам страна может полгода быть обеспечена, при этом имеются и другие ресурсы. Однако, с использованием приема опущение в

переводе внимание сместилось просто на тот факт, что общие ресурсы способны обеспечить товарооборот на срок в полгода.

29) *У нас растёт добыча нефти, производство электроэнергии. У нас немножко сократилась, по-моему, на один процент...*

30) *La production de pétrole, la production d'énergie augmentent, même si cette dernière a diminué d'environ 1% chez nous, je crois...*

Как видно из примера, в переводе пропало словосочетание “у нас”, что смещает центр внимания с роста добычи нефти в стране на общий рост добычи ресурсов в мире.

31) Оригинальный текст: *По экспорту жидких углеводородов мы тоже заняли лидирующую позицию, заняли первое место.*

32) *Nous sommes également les premiers dans l'exportation des hydrocarbures liquides.*

С помощью приема лексической трансформации исходное выражение “лидирующую позицию” стало *les premiers*, что смещает внимание читателя с факта лидерства на факт позиции одними из первых.

33) *Господин Сальман, насколько мне известно, является заместителем наследного принца, но это уже детали.*

34) *Pour autant que je sache, M. Salman est adjoint au prince héritier, mais ce n'est pas ça l'important.*

В своей речи говорящий отметил, что упомянутая должность является уже деталью, однако в переводе *n'est pas ça l'important* выражает низкую значимость данной информации. Примененная в переводе лексико-грамматическая трансформация смещает внимание с второстепенной важности на общую малую значимость.

35) *Вопрос лежит не в экономической, а в политической плоскости.*

36) *Ce problème n'est pas économique mais politique.*

Если в оригинальном тексте говорилось о том, что “вопрос” лежит в другой плоскости, то в переводе вопрос, требующий ответа, становится *problème*, “проблемой”, для которой необходимое решение лежит только лишь

в сфере политики. Лексическая замена и опущение в данном примере обеспечивают изменённое восприятие изначального высказывания.

37) *Здесь всегда нужно внимательно смотреть.*

38) *Nous devrions examiner la situation attentivement.*

В исходном варианте текста делается акцент на том, что “всегда” требуется смотреть внимательно, независимо от ситуации. Однако в переводе данное наречие опущено, из-за чего читатель воспринимает только описанную ситуацию как ту, которая требует внимательности.

39) *Давайте не будем забывать, что часть принадлежит компании BP, кстати говоря, британской компании, Вы же – поданный Британии, правда?*

40) *Il ne faut pas oublier que BP a une participation dans Rosneft et BP est une société britannique. Vous êtes un sujet du Royaume-Uni, n'est-ce-pas ?*

Изначальный смысл фразы “часть принадлежит компании BP” в переводе заменен на *BP a une participation*, что означает принимает участие в деятельности. Лексическая трансформация в этом случае смещает центр внимания реципиента с факта обладания пакетом акций на факт сотрудничества.

41) *Я вот о чём хотел сказать, и думаю, что это очевидный факт: 19,7 процента принадлежит иностранному инвестору.*

42) *Je pense que c'est un fait évident, quand un investisseur étranger détient une participation de 19,7%.*

Фраза “я вот о чём хотел сказать” из оригинального текста демонстрирует, что интервьюируемый уже некоторое время рассуждал над данным ответом и считает его решающим в аргументации. Однако в переводе за счет опущения этой фразы высказывание лишь показывает суждение.

43) *Вы понимаете, в чём дело, я уже неоднократно видел, что антироссийские карты разыгрываются в ходе внутривнутриполитических кампаний в Штатах.*

44) *Voilà l'important : j'ai vu à plusieurs reprises que la carte anti-russe est jouée lors des campagnes nationales aux États-Unis.*

“Вы понимаете, в чём дело” в русскоязычном оригинале одновременно демонстрирует проявление коммуникации со стороны интервьюируемого и определяет дальнейшие слова как причину, в которой все заключается. Однако в переводе из-за приемов опущения, синтаксической и лексической трансформации данный смысл теряется, что изменяет восприятие читателя.

45) *A потом, разве это важно, кто взломал эти какие-то данные из предвыборного штаба госпожи Клинтон?*

46) *D'ailleurs, est-il vraiment important de savoir qui a piraté la base de données de l'équipe de campagne électorale de Mme Clinton ?*

Говорящий делает акцент на словах “эти какие-то данные”, выражая то, что он не владеет информацией, какие данные были вскрыты. В переводе *la base de données* четко формулирует что взломана база данных, что смещает внимание франкоговорящего реципиента с незнания на подтверждение общеизвестной информации.

47) *Poэтому даже с этой точки зрения мы никак туда официально не могли залезть.*

48) *Ainsi, compte tenu de ce que j'ai dit, nous ne pouvions pas pirater officiellement.*

Нейтральный глагол “залезть” в переводе превратился в *pirater*, “взломать”, акцентируя внимание реципиента не на невозможности воздействия, а на невозможности взлома, не исключая другие действия.

49) *Но кроме всего прочего, как я уже говорил, у нас есть взаимное стремление прийти к договорённости по проблемам региона, в том числе и по сирийской проблеме.*

50) *En plus de tout le reste, comme je l'ai déjà dit, nous avons un désir mutuel de parvenir à un accord sur les problèmes de la région, y compris en Syrie.*

Фраза “*по сирийской проблеме*” из оригинального текста при трансформации на французский язык была заменена на *Syrie* “Сирия”, что

смещает фокус с имеющихся конкретных проблем в стране на абстрактное обсуждение актуальной обстановки.

51) *Кроме всего прочего, это уже не элемент внутренней борьбы – это приехавшие боевики, получающие вооружение и амуницию из-за границы.*

52) *D'ailleurs, ce n'est pas un élément du conflit interne ; ce sont des combattants étrangers, qui obtiennent des armes et des munitions de l'étranger.*

Вместо нейтрального существительного *борьба* из оригинального русскоязычного текста в переводе было употреблено слово *conflit* “конфликт”, что создает искаженный образ в сознании читателя.

53) *Мы, например, прекратили полёты нашей стратегической авиации вдоль границ Соединённых Штатов, а Соединённые Штаты – нет.*

54) *Nous, par exemple, avons mis un terme aux vols de notre aviation stratégique le long des frontières américaines.*

В данном примере наглядно демонстрируется применение стратегии смещения центра внимания за счет переводческого приема опущение. Если в исходном тексте присутствует явное противопоставление “*мы, например, прекратили <...> а Соединённые Штаты – нет*”, то в тексте, опубликованном во французской прессе данное противопоставление опущено. Таким образом читатель в ходе восприятия текста не заостряет внимание на действиях США и их противопоставление действиям со стороны России.

55) *У нас же наблюдатели из Соединённых Штатов – Вы знаете об этом, да? – сидели на наших заводах по производству ядерного оружия.*

56) *Nous avons eu des observateurs des États-Unis, vous le savez, qui étaient assis dans nos usines d'armes nucléaires ; ils se sont assis exactement dans les usines.*

В своей речи интервьюируемый в ходе ответа задает вопрос ведущему, известен ли ему факт вовлечения иностранных специалистов в работу заводов по производству ядерного оружия в России, подчеркивая таким коммуникативным приемом, что данная информация часто упускается из виду, но тем не менее играет большую роль. В предложенном варианте перевода

данная фраза становится утверждением, теряя свою коммуникативную функцию в подчеркивании релевантности упомянутых фактов. За счет синтаксического изменения предложения и уточнения *ils se sont assis exactement dans les usines* «они сидели непосредственно на заводе», реципиент не регистрирует коммуникативный прием говорящего, при этом фокусируясь на общей информации о присутствии специалистов на заводе.

57) *Мы же должны как-то на это реагировать.*

58) *Eh bien, devrions-nous répondre à cela, d'une manière ou d'une autre?*

Оригинальный вариант ответа предполагает собой четкое утверждение, что от страны требуются ответные действия, демонстрирующие их реакцию на происходящие события. Тем не менее, в переведенном на французский язык варианте интервью данное предложение за счет синтаксической трансформации стало вопросом. Внимание читателя смещено с уверенного и решенного плана действия на все еще обсуждаемый вариант развития событий, в котором нет никакой конкретики.

59) *Послушайте, думаю, что все здравомыслящие люди, которые реально политикой занимаются, понимают, что ссылки на угрозы со стороны России в отношении, скажем, Прибалтики – это полный бред. Мы что, собираемся воевать с НАТО, что ли?*

60) *Je pense que tous les gens lucides qui sont vraiment impliqués dans la politique comprennent que l'idée d'une menace russe, par exemple sur les pays baltes, est une folie complète. Sommes-nous vraiment sur le point de combattre l'OTAN?*

Текст на русском языке подводит итог с помощью использования риторического вопроса “*Мы что, собираемся воевать с НАТО, что ли?*”, что предполагает абсурдность обсуждаемой возможности войны. Однако, текст перевода за счет применения лексико-грамматической трансформации смещает центр внимания с абсурдности данного вопроса, на слишком ранний этап постановки подобного вопроса: *Sommes-nous vraiment sur le point de combattre l'OTAN?*, “*достигли ли мы той точки, на которой мы вступаем в*

бой с НАТО”. Вместо решимости ни при каких обстоятельствах не вступать в войну читателю демонстрируется потенциальная неготовность страны вступить в бой, что сильно искажает изначальный смысл ответа.

61) *Но Вы что, реально предполагаете, что мы собираемся завоевать Прибалтику, используя ядерное оружие, что ли?*

62) *Mais pensez-vous vraiment que nous sommes sur le point de conquérir les pays baltes en utilisant des armes nucléaires ?*

В данном примере повторно использован прием лексико-грамматической трансформации с целью смещения фокуса с одного факта на другой. Если в оригинальном тексте говорится о нежелании завоевывать страны Прибалтики, то в переводе дословно спрашивается о возможности достижения момента, когда данные действия будут иметь смысл.

63) *Vom u всё.*

64) *Et voilà tout pour cette question.*

Если в своем ответе на русском языке интервьюируемый подводит итог всему сказанному ранее с помощью фразы *Vom u всё*, то в тексте перевода он заявляет о завершенности ответа на конкретный вопрос *Et voilà tout pour cette question* “*вот и всё с этим вопросом*”.

65) *Проще, чем когда: при Иване Грозном, или при Николае II, или при Брежнев, Хрущёве, Сталине?*

66) *Plus facile que quand ? Par rapport à l'époque d'Ivan le Terrible, de Nicolas II, de Brejnev, de Khrouchtchev ?*

При ответе на вопрос ведущего о сложности управления страной в прошлом, интервьюируемый уточняет, чью эпоху правления он имеет в виду. Однако, при переводе заданного в ответ вопроса фамилия “*Сталин*” была опущена. При этом, остальные исторические личности сохранили свое упоминание в тексте на французском языке. С помощью проделанной переводческой трансформации внимание читателя отвлечено от упомянутой личности, что искажает смысл и изначальный посыл слов говорящего, в которых явно было проявлено желание уточнить о каких годах идет речь.

При общем обзоре способов реализации стратегии смещения центра внимания следует выделить основными такие переводческие приемы как: опущение, лексическая трансформация и лексико-грамматическая трансформация. В отдельных случаях могут быть использованы такие приемы как синтаксическая трансформация и добавление (см. Рис.1).

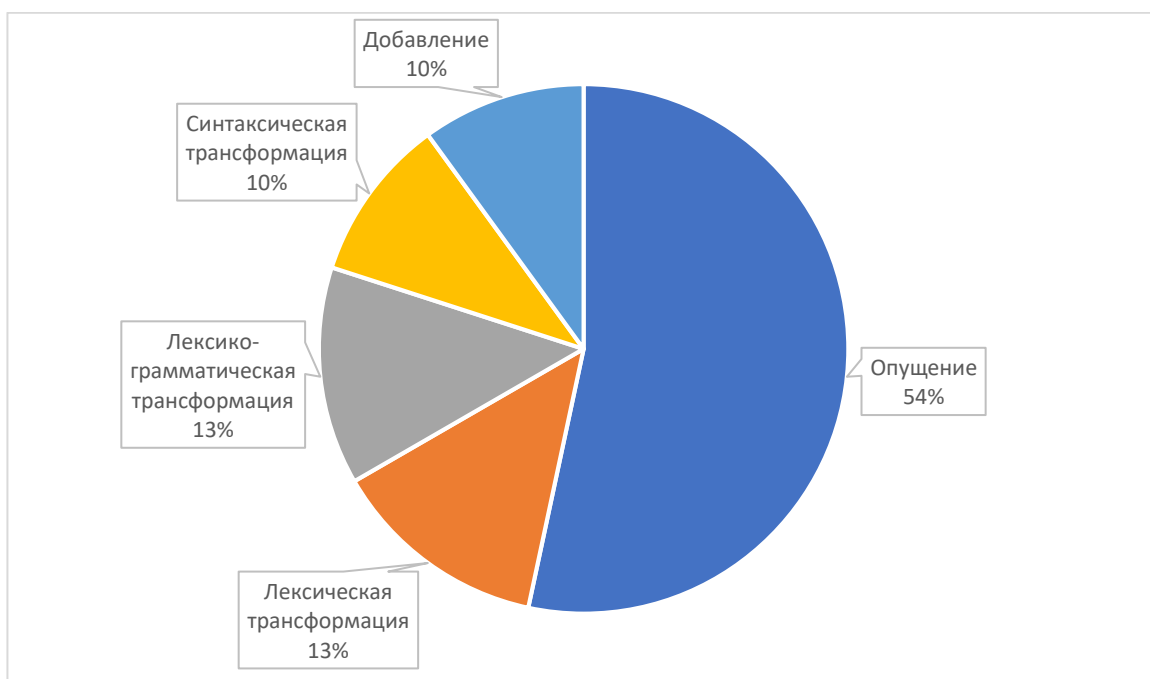

Рисунок 1. Диаграмма, отражающая частотность использования переводческих приемов в реализации стратегии смещения центра внимания

2.3 Стратегия смещения оценки

Представленная стратегия призвана собой исказить в глазах читателя оценку говорящего о тех или иных вещах, событиях, людях и т. д. Чаще всего она изменяет характеристику или качественную оценку предмета разговора за счет лексических трансформаций, однако может быть в отдельных случаях реализована с помощью других приемов. Рассмотрим способы использования данной стратегии и методы ее реализации на примерах перевода интервью российских политиков с русского на французский язык:

67) *Наши военные, наши спецслужбы всё-таки выстраивают отношения по этому важнейшему для наших стран направлению.*

68) *Nos militaires, nos services spéciaux construisent encore des relations sur cet problème pour la direction de nos pays.*

В ходе перевода текста ответа во французском варианте фразы отсутствует прилагательное “важнейшему” относившееся к “направлению”. Таким образом оценка говорящего в отношении обсуждаемого предмета изменена.

69) *Сейчас этого диалога нет, ничего хорошего в этом тоже нет.*

70) *Aujourd'hui, ce dialogue n'existe plus et c'est dommage.*

В своей речи интервьюируемый подчеркивает, что отсутствие диалога не несет в себе ничего хорошего. Однако в переводе, за счет лексико-грамматической трансформации, фраза *c'est dommage* отражает другую оценку, выражающую сожаления.

71) *Смотрите, все говорят о каком-то мнимом вмешательстве России в предвыборную кампанию, в ход избирательной кампании.*

72) *Regardez, tout le monde parle d'une sorte d'ingérence présumée de la Russie dans la campagne électorale, au cours de la campagne électorale.*

В русскоязычном варианте текста говорится о “мнимом вмешательстве России в предвыборную кампанию”, однако в переведенном тексте говорится о *une sorte d'ingérence présumée* “каком-то предположительном вмешательстве”, что искажает данную интервьюируемым оценку в отношении обвинений со стороны других стран.

73) *Я сейчас Вам отвечу, наберитесь немножко терпения, и Вы получите полноценный ответ.*

74) *Je vais vous répondre maintenant, soyez patient avec un peu de patience, et vous recevrez une réponse complète.*

В русскоязычном ответе используется фраза “наберитесь немножко терпения”, однако при переводе на французский язык был применен повтор *soyez patient avec un peu de patience*. Использованный прием создает отличную от оригинальной оценку действий ведущего, так как интервьюируемый просит

быть терпеливым настойчивее, т. е. оценивает его поведение как требующее большего контроля.

75) *Кто-то подтасовал факты, кто-то вбросил ложную информацию?*

76) Перевод: *Quelqu'un a-t-il falsifié les faits?*

Лексическая трансформация и опущение повтора в данном примере изменяют оценку говорящего в отношении действий, в которых подозревают Россию. Глаголы “подтасовал и вбросил” в переводе стали *falsifié* “сфальсифицировал”. Читатель таким образом видит, что оценка действий хакеров со стороны других стран интервьюируемого совпадает, хотя это не так.

77) *Нужно прекратить манипуляции общественным мнением в Соединённых Штатах и извиниться перед избирателями за то, что это было сделано, а не искать виновных, которые якобы это сделали.*

78) *Il est nécessaire d'arrêter la manipulation de l'opinion publique aux États-Unis et de présenter des excuses aux électeurs pour le fait que cela a été fait, et non pour rechercher les auteurs qui auraient mis ce fait en évidence.*

В русскоязычном варианте ответа четко выделяется субстантивированное прилагательное “виновных”, однако в переводе данная семантика не передается. Предложенный французский эквивалент *les auteurs* “авторы/те, кто сделали” является более нейтральным по своему значению, изменяя общую оценку говорящего в отношении предмета разговора.

79) *Что касается подозрения, обвинений – есть предусмотренная договором процедура, обращайтесь в рамках этих процедур.*

80) *En ce qui concerne les suspicions, les faits – il existe une procédure stipulée par l'accord, s'il vous plaît renseignez-vous dans le cadre de ces procédures.*

В данном примере продемонстрировано применение двух приемов: лексическая трансформация слова “обвинений” в *les faits*, “факты”, а также добавление фразы, *s'il vous plaît* “пожалуйста”. Совокупность данных приемов

искажает изначальную оценку гостя интервью, так как в глазах читателя отрицаемые им обвинения становятся фактами, и при этом он во французском варианте выражает дополнительную вежливость, отсутствующую в русском варианте ответа.

81) *Двумя волнами всё произошло, несмотря на наши принципиальные возражения, плевать хотели на наши возражения.*

82) *Deux vagues se sont cependant produites, malgré nos objections fondamentales, mais vous vous moquiez de nos objections.*

Глагол “плевать” из русскоязычного варианта интервью во французском трансформировался с помощью лексической замены на *moquiez* “высмеиваете”. Выражение в данном случае становится менее оценочным, что искажает общую оценку действий представителей других стран со стороны говорящего.

83) *А у нас так или иначе с селом связано 40 миллионов российских граждан.*

84) *Ici, nous avons 40 millions de citoyens russes impliqués dans le domaine de l'agriculture d'une manière ou d'une autre.*

Оценивая численность связанных с сельской местностью людей, гость интервью приводит цифру в 40 миллионов граждан. Тем не менее, во франкоязычном варианте текста данная цифра относится к *domaine de l'agriculture* “агропромышленному сектору”, что изменяет оценку интервьюируемого для реципиента.

85) *Войти в единую валюту с достаточно слабыми экономическими показателями и удержать не то чтобы темпы роста, а удержать саму экономику от тяжёлых испытаний очень сложно.*

86) *Il est très difficile d'entrer dans une zone de monnaie unique ayant des paramètres économiques assez faibles et de maintenir un état favorable de l'économie, pour ne pas mentionner les taux de croissance positifs.*

Выражение “удержать саму экономику от тяжёлых испытаний” из оригинального текста на французском языке было изменено с помощью

приёма антонимичного перевода в *pour ne pas mentionner les taux de croissance positifs*, “не говоря уже о положительном темпе роста”. При такой трансформации реципиент воспринимает искажённую оценку говорящего в отношении входа в единую валютную систему.

87) *Поэтому с точки зрения обеспечения стабильности экономики и внешнеторгового оборота у нас сегодня абсолютно достаточный уровень золотовалютных резервов.*

88) *Par conséquent, nous avons aujourd’hui un niveau absolument correct de réserves en or et en devises étrangères afin d’assurer durablement la stabilité économique et le niveau du commerce extérieur.*

В данном примере наглядно представлена реализация стратегии смещения оценки говорящего за счёт применения лексической трансформации: “абсолютно достаточный уровень” из русскоязычного текста было заменено на *un niveau absolument correct*, “абсолютно корректный уровень”. Читатель воспринимает характеристику уровня не как достаточную, обеспечивающую высокий уровень экономики страны, а как корректную, необходимую для поддержания стабильности.

89) *Это очень существенно.*

90) *C’est un montant considérable.*

Интервьюируемый в своем ответе подчеркивает важность ранее упомянутых аргументов за счёт фразы “это очень существенно”. Однако, при переводе на французский язык было использовано добавление *un montant* “подъем/рост”, что изменяет изначально данную оценку в лучшую сторону. Франкоязычный читатель воспринимает ответ как качественную оценку действий, а не оценку их релевантности.

91) *Но в целом «Газпром» в отличной форме и наращивает экспорт в страны своих традиционных партнёров.*

92) *En général, Gazprom va bien et augmente ses exportations avec ses partenaires traditionnels*

Выражение “в отличной форме” во французском языке передается за счет лексико-грамматической трансформации во фразу *va bien* “в порядке”, что снижает изначальную высокую оценку до нейтральной в глазах франкоязычного читателя.

93) *Мы здесь не видим ничего страшного.*

94) *Nous ne considérons pas du tout cela comme désastreux.*

Давая характеристику обсуждаемой ситуации, гость интервью употребляет выражение “не видим ничего страшного”. Французский вариант перевода изменяет данную оценку в худшую сторону за счет приема лексико-грамматической трансформации: *ne considérons pas du tout cela comme désastreux*, “не считаем это катастрофическим”.

95) *Ведь при всём эпатаже одного и, кстати говоря, другого кандидата (они же оба занимаются эпатажем, только каждый по-своему) они же умные люди, очень умные люди, и они понимают, на какие точки нужно немножко поднажать, чтобы их поняли, почувствовали и услышали избиратели в самих Соединённых Штатах.*

96) *Après tout, malgré le comportement scandaleux de l'un et, en passant, de l'autre candidat – chacun est scandaleux à sa manière –, ils sont intelligents, ils sont vraiment intelligents et ils sont conscients des leviers qu'ils doivent utiliser pour se faire comprendre par les électeurs des États-Unis, les sentir et les entendre.*

В исходном тексте интервьюируемый дает свою оценку поведению двух кандидатов на пост президента США, описывая их как “при всём эпатаже одного и, кстати говоря, другого кандидата”. Во франкоязычном варианте перевода после проведения лексической трансформации характеристика поведения стала *scandaleux* “скандальное”. Читатель воспринимает данный ответ с измененной характеристикой кандидатов, т. е. с искаженной оценкой их поведения.

97) *Я удивляюсь его терпению и настойчивости одновременно.*

98) *Je suis surpris par sa patience et sa détermination.*

В своей речи интервьюируемый дает оценку профессионализму на тот момент госсекретарю США Джону Керри. Во франкоязычном варианте перевода слово “одновременно” было опущено, что искажают изначальную оценку, игнорируя одновременность характеристик Керри.

Анализируя все предложенные примеры использования стратегии смещения оценки, можно заключить, что основными приемами ее обеспечения являются лексическая трансформация, лексико-грамматическая трансформация и опущение. В отдельных случаях могут быть использованы такие приемы как добавление, повтор, антонимичный перевод (см. Рис. 2).

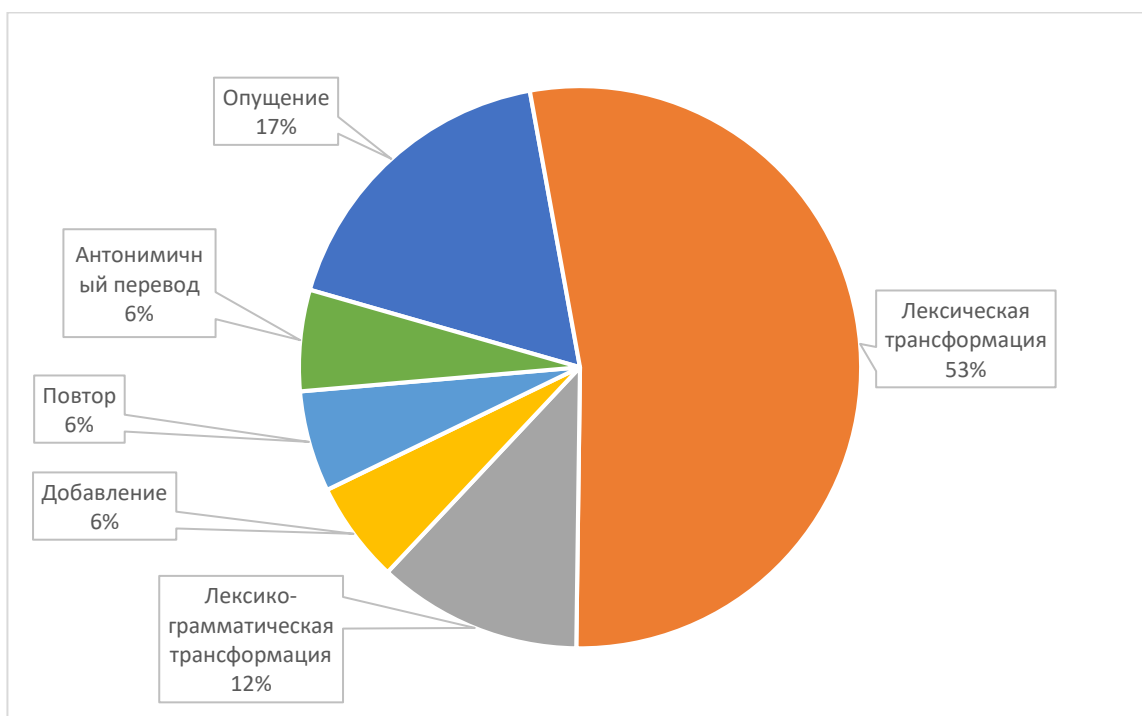

Рисунок 2. Диаграмма, отражающая частотность использования переводческих приемов в реализации стратегии смещения оценки

2.4 Стратегия смещения по временной оси

Среди инструментов манипуляции также стоит выделить стратегию смещения по временной оси. Применяемая в основном за счет лексико-грамматической трансформации данная стратегия способна изменить восприятие читателем временного контекста обсуждаемых событий, создавая

иллюзию незавершенности, продолжительности или наоборот законченности тех или иных явлений, событий и т.д. Проанализируем примеры использования данной стратегии на материале переведённых интервью российских политиков с русского на французский язык:

99) *Там была какая-то подтасовка фактов?*

100) *Y a-t-il une sorte de jonglerie avec les faits?*

Если в оригинальном тексте “*подтасовка фактов*” происходила в прошлом, то в предложенном варианте перевода она выражена за счет использования настоящего время и грамматической трансформации: *у a-t-il une sorte de jonglerie...* В сознании читателя подобный вариант фразы формирует то, что обсуждаемый вопрос взлома все еще актуален, когда как интервьюируемый ясно дает понять что эти вещи остались в прошлом.

101) *Почему был такой ответ в своё время?*

102) *Pourquoi une telle réponse?*

Помимо свойственной для стратегии перемещения по временной оси лексико-грамматической трансформации в данном примере демонстрируется применение приема опущение. Говорящий эксплицитно заявляет о том, что ответ относится к прошедшему времени за счет выражения “*был <...> в своё время*”. При это во французском варианте данное выражение полностью отсутствует и выражается с помощью безглагольной фразы *pourquoi une telle réponse? “почему такой ответ”*. Реципиент при прочтении данного ответа не имеет возможности воспринять отсылку к прошедшему времени в ответе говорящего, относя заданный вопрос к настоящему времени.

103) *Я не согласен с тем, что американское присутствие в международных делах сокращается.*

104) *Je ne suis pas d'accord pour dire que les Américains sont moins présents dans les affaires internationales.*

За счет применения лексико-грамматической трансформации фраза “*американское присутствие в международных делах сокращается*” стала *les Américains sont moins présents dans les affaires internationales*. Несмотря на то,

что использовано одинаковое наклонение и время, словосочетание *sont moins présents*, “стало меньше”, представляет явление, с которым говорящий не согласен, как уже прекращенное, что влияет на восприятие читателем общего контекста обсуждаемого вопроса.

105) *Vedь o чём шла речь?*

106) *En fait quel est le discours?*

В данном примере используется смещение по временной оси от прошлого к настоящему. В оригинальном варианте текста глагол “шла” стоит в прошедшем времени, когда как во французском использован глагол *est* настоящего времени, искажая изначальный временной контекст фразы для читателя, создавая образ продолжающегося действия.

107) *Если мы с принцем Сальманом будем говорить на этот счёт, я, конечно, нашу позицию воспроизведу снова: мы считаем, что это для мировой энергетики правильное решение – первое.*

108) *Tout d’abord, dans ma conversation avec le prince Salman sur cette question [au G-20], je vais réaffirmer notre position: nous pensons que c’est la bonne décision pour le secteur de l’énergie mondiale.*

В предложенном примере демонстрируется изменение наклонения при переводе фразы с русского на французский при помощи лексико-грамматической трансформации. В русском варианте ответа интервьюируемый ставит условие реализации своего разговора с принцем Сальманом. Однако во французском языке используется изъявительное наклонение ближайшего будущего времени (*indicatif, futur immédiat*): ...*dans ma conversation avec le prince Salman sur cette question [au G-20], je vais réaffirmer notre position...* При этом, читатель воспринимает данную фразу как гарантию обсуждения актуального вопроса в случае встречи двух политиков, несмотря на подчеркнутую условность в русскоязычном тексте.

Как видно из приведенных примеров стратегии смещения по временной оси, основными способами ее реализации является приемы лексико-грамматической трансформации и опущения. Однако в отдельных случаях

может быть использован прием смены наклонения и грамматической трансформации (см. Рис. 3).

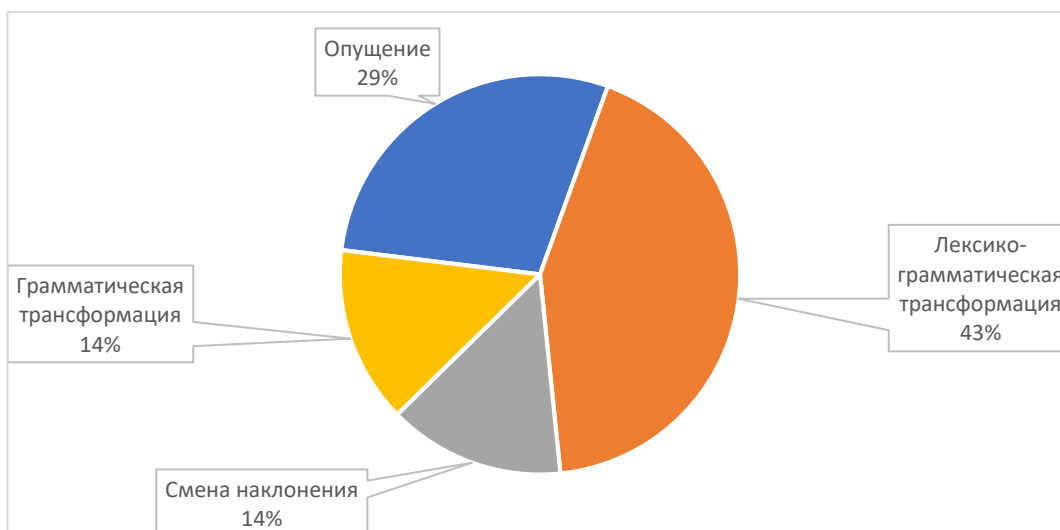

Рисунок 3. Диаграмма, отражающая частотность использования переводческих приемов в реализации стратегии смещения по временной оси

При детальном сопоставлении частотности использования каждой из выявленных стратегий манипуляции в переводе интервью российских политиков на французский язык самой многократно использованной является стратегия смещения центра внимания, затем стратегия смещения оценки, и самой менее частотной – стратегия смещения по временной оси (см. Рис. 4).

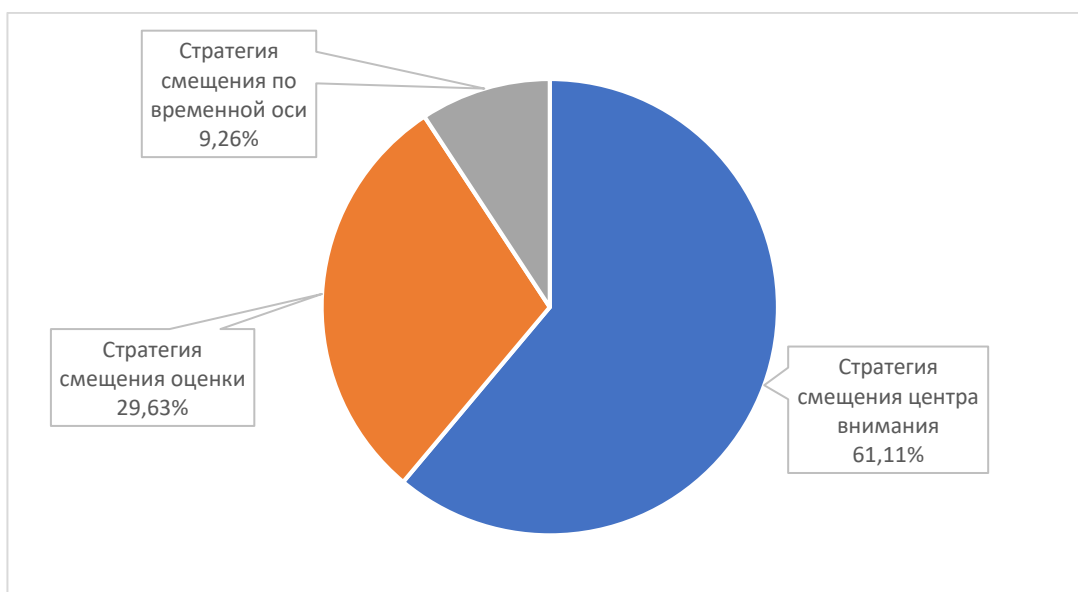

Рисунок 4. Диаграмма, отражающая частотность использования каждой из стратегий манипуляции

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В практической главе настоящего исследования представлены выявленные стратегии манипуляции, использованные в ходе перевода с русского на французский язык интервью российских политиков, опубликованных во франкоязычных средствах массовой информации. Их классификация выглядит следующим образом:

1. Стратегия смещения фокуса центра внимания;
2. Стратегия смещения оценки;
3. Стратегия смещения по временной оси.

В ходе выявления данных стратегий манипуляции были проанализированы переводческие приемы, обеспечивающие реализацию вышеуказанных стратегий. В их число входят лексическая, лексико-грамматическая и синтаксическая трансформации, приемы опущения, добавления, антонимичного перевода, повтора, а также прием смены наклонения.

При детальном сопоставлении частотности применения каждого из переводческих приемов с каждой из стратегий манипуляции были получены следующие результаты:

Стратегия смещения центра внимания реализуется за счет таких переводческих приемов, как опущение (54%), лексическая трансформация (13%) и лексико-грамматическая трансформация (13%). В отдельных случаях могут быть использованы такие приемы, как синтаксическая трансформация (10%) и добавление (10%).

Стратегии смещения оценки обеспечиваются с помощью лексической трансформации (53%), лексико-грамматической трансформации (12%) и опущения (17%). В отдельных случаях могут быть использованы такие приемы, как добавление (6%), повтор (6%) и антонимичный перевод (6%).

Основными способами реализации стратегии смещения по временной оси являются прием лексико-грамматической трансформации (42,86%), а

также прием опущения (28,57%). Также могут быть использованы приемы смены наклона (14,29%) и грамматической трансформации (14,29%).

В ходе настоящего исследования также было выявлено частота применения каждой из переводческих стратегий манипуляции в процентном соотношении. Самой часто используемой является стратегия смещения центра внимания (61,11%). Стратегия смещения оценки является второй наиболее частотной из выявленных стратегий манипуляции (29,63%). Наименее часто использованной является стратегия смещения по временной оси (9,26%).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе рассмотрены стратегии манипуляции общественным мнением при переводе с русского на французский интервью российских политиков (на материале французской прессы). Цель данной работы – выявление стратегий манипуляции общественным мнением при переводе с русского на французский интервью российских политиков.

В первую очередь нами был рассмотрен прагматический аспект деятельности переводчика, включающий в себя и организацию речевого воздействия на реципиента текста перевода. Проанализировав понятие речевого воздействия, его изучение в современной лингвистике и способы его реализации, мы пришли к выводу, что одной из разновидностей речевого воздействия является манипуляция, которая может проявляться и в переводе. Одна из первых классификаций стратегии манипуляции в переводе предложена Н.В. Климович, однако проведенный нами анализ практического материала показал, что данная типология может быть расширена.

Во второй главе работы были рассмотрены и проанализированы примеры применения стратегий манипуляции в переводе с русского на французский язык интервью российских политиков, опубликованных во франкоязычных средствах массовой информации. В ходе анализа было выявлено три стратегии манипуляции общественным мнением: стратегия смещения центра внимания, стратегия смещения оценки, стратегия смещения по временной оси. В этой же главе рассматриваются переводческие приемы, за счет которых данные стратегии реализуются, а также частотность по отношению к каждой их стратегий.

В ходе проведенного исследования было выявлено следующее соотношение использования стратегий в манипулятивном переводе: самой часто используемой является стратегия смещения центра внимания, стратегия смещения оценки является второй по частотности из выявленных стратегий

манипуляции, наименее часто использованной является стратегия смещения по временной оси.

При детальном сопоставлении частотности применения каждого из переводческих приемов с каждой из стратегий манипуляции были получены следующие результаты:

Стратегия смещения центра внимания реализуется за счет таких переводческих приемов, как опущение, лексическая трансформация и лексико-грамматическая трансформация. В отдельных случаях могут быть использованы такие приемы, как синтаксическая трансформация и добавление.

Стратегии смещения оценки обеспечивается с помощью лексической трансформации, лексико-грамматической трансформации и опущения. В отдельных случаях могут быть использованы такие приемы, как добавление, повтор и антонимичный перевод.

Основными способами реализации стратегии смещения по временной оси являются прием лексико-грамматической трансформации, а также прием опущения. Также могут быть использованы приемы смены наклонения и грамматической трансформации.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что главный вывод исследования заключается в том, что в опубликованных в СМИ переводах с русского на французский интервью российских политиков присутствуют стратегии манипуляции общественным мнением. Каждая из них имеет свою цель и оказывает разное влияние на реципиента. Стратегии реализуются за счет определенных переводческих приемов, отличающихся своей частотностью применения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Academia, 2003. 128 с.
3. Акаш Б.А. Прагматический аспект перевода // Язык сознание коммуникация: сб. статей. Вып. 39. / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 28–31.
4. Балл Г.А., Бургин М.С. Анализ психологических воздействий и его педагогическое значение // Вопросы психологии. 1994. Вып. 4. С. 56–66.
5. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 236 с.
6. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. М.: Либроком, 2009. 456 с.
7. Гришечко Е.Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. 2008. Вып. 4. С. 53–59.
8. Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2003. 200 с.
9. Доценко Е.Л. Манипуляция: психологическое определение понятия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. Вып. 4. С. 132–138.
10. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
11. Ермолаев Б.А. Целеобразование в коммуникации // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. 240 с.

12. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
13. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
14. Ковалёва Т.С. Стратегия манипуляции в информационно войне (на материале текстом ИНОСМИ посвященных южноосетинскому/грузинскому конфликту 2008 г.) // Политическая лингвистика. 2011. С. 78–86.
15. Колесникова А.А. Прагматический аспект перевода [Электронный ресурс] // ВлГУ, 2015. 3 с. URL: <https://goo.gl/рахWqf> (дата обращения: 08.02.2019).
16. Колмогорова А.В., Талдыкина Ю.А., Калинин А.А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 4. С. 194–199.
17. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
18. Комиссарова Т.С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе (на материале речей Г. Шрёдера): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Орел, 2008. 250 с.
19. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
20. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 1999. 192 с.
21. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М.: ФЛИНТА, 2012. 170 с.
22. Копнина Г.А., Сковородников А.П. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. Вып. 3. 2012. С. 36–42.

23. Корнаухова Н.Г. Переводческие стратегии в аспекте манипуляции сознанием // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. Т. 15. Вып. 3. С. 90–96.
24. Куницына Е.Ю. Шекспир – Игра – Перевод. Иркутск: ИГЛУ, 2009. 434 с.
25. Латышев Л.К. Технология перевода. М.: Академия, 2008. 280 с.
26. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1999. 365 с.
27. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. 280 с.
28. Михалёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук:10.02.01. Иркутск, 2004. 289 с.
29. Мищук О.Н. Речевое воздействие в политическом дискурсе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 1. С. 248–253.
30. Навасартян Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в сми (на материале российских газет): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2017. 172 с.
31. Найда Ю.А. Наука перевода // Вопросы языкознания. 1970, Вып. 4. С. 3–15.
32. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта, Наука. 2008. 320 с.
33. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М.: Международные отношения, 1978. С. 185–202.
34. Окунева И.В. Приемы речевого воздействия в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 4. С. 104–116.
35. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Санкт-Петербург: Питер, 2005. 480 с.

36. Петренко В.Ф. Основы психосемантики 3-е изд. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
37. Радевич В.В. Этапы и виды манипуляции как коммуникативной стратегии в неискреннем дискурсе на материале жанра «нигерийские письма» // Вестник КемГУ. 2012. Вып. 4. С. 119–122.
38. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: 1990. 37 с.
39. Рыбин П.В. Теория перевода курс лекций для студентов IV курса дневного отделения. М.: 2007. 263 с.
40. Сабарайкина Л.М. Прагматический аспект как важнейший компонент адекватности перевода // Вестник СВФУ. Сб. статей. Т. 9, Вып. 1. 2012. С. 112–117.
41. Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с.
42. Сергеева Е.В. К вопросу о некоторых манипулятивных приемах в текстах предвыборной агитации (на материале кампании 2011 г.) // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 2. С. 46–52.
43. Сергеечева В. Приемы убеждения. Стратегия и тактика общения. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 192 с.
44. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001. 252 с.
45. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
46. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Санкт-Петербург: Издание Книгопродавца. 1894. 991 с.
47. Швейцер А.Д. Семантико-стилистические прагматические аспекты перевода // Иностранные языки в школе. Вып. 3. 1971. С. 6–16.
48. Шейгал Е.И. Лингвострановедческий словарь Жизнь и культура США (в соавторстве с О. А. Леонтович) 2-е изд. Волгоград: 2000. 416 с.

49. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (психология манипулирования). Минск: Харвест, 2005. 826 с.
50. Dijk T.A. van. Discourse and manipulation // *Discourse and Society*. 2006. 17 (2). P. 359–383.
51. Dukate A. Manipulation as a Specific Phenomenon in Translation and Interpreting. 2007. 32 p. [Электронный ресурс] // URL: <https://goo.gl/ivP5xU> (дата обращения: 15.02.2019).
52. Hermans T. *The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation*. Croom Helm, 1985. 249 p.
53. Klimovich N.V. Manipulation in Translation (Exemplified by the International Elements' Translation) // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2015. Т. 8 Вып. 2. С. 244–151.
54. Klimovich N.V. Ideological Manipulation in the Translations of English and American Literature into the Russian Language // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2017. Т. 10. Вып. 3. С. 359–366.
55. Koskinen K. *Beyond Ambivalence. Postmodernity and the Ethics of Translation*. Tampere: University of Tampere, 2000. 280 p.
56. Kramina A. Translation as Manipulation: Causes and Consequences, Opinions and Attitudes. 2004. 5 p. [Электронный ресурс] // URL: <https://goo.gl/yCVmPJ> (дата обращения: 15.02.2019).
57. Morris C.W. *Foundations of the theory of signs* Chicago, Ill.: University of Chicago Press, 1938. 59 p.
58. Nida E.A., Taber C.R. *The theory and practice of translation*. Leiden. 1969. 218 p.
59. *Oxford Advanced Learners Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1780 p.
60. Venuti L. *Strategies of translation*. *Routledge encyclopedia of translation studies*. London: Taylor and Francis Books Ltd., 2001. P. 240–244.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Военно-инженерный институт
Цикл лингвистического и информационного обеспечения
45.05.01 «Перевод и переводоведение»

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиПЛ
А.В. Колмогорова
« 05 » мая 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
**СТРАТЕГИИ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ
МНЕНИЕМ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА
ФРАНЦУЗСКИЙ ИНТЕРВЬЮ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)**

Выпускник

А.Р. Аспатурян

Научный руководитель

док. филол. наук,
проф. А.В. Колмогорова

Нормоконтролер

В.В. Ефимова

Красноярск 2019